



Книги Бориса Громова  
в серии «Эпоха мертвых»

**РЯДОВЫЕ АПОКАЛИПСИСА  
ЭТО МОЯ ЗЕМЛЯ!**



# ЭПОХА МЕРТВЫХ



БОРИС ГРОМОВ

ЭТО МОЯ

ЗЕМЛЯ!

Роман

Москва, 2015  
**Э**АРМАДА  
&  
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5  
Г87

Художник  
**И. Воронин**

**Громов Б.**

Г87 Это моя земля!: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 345 с.: ил. — (Эпоха мертвых. Мир Андрея Круза).

ISBN 978-5-9922-2068-1

Выжить для того, для кого выживание не цель, а всего лишь условие для выполнения поставленной задачи, — не проблема. Даже если вводная такая же дикая и безумная, как эпидемия, превращающая умерших людей в хищных и чрезвычайно агрессивных зомби, бойцы спецподразделения упрутся рогом и, как предписано ведомственным приказом, проведут оповещение личного состава по сигналу «Сбор», осуществят мероприятия по приведению подразделения в указанную степень боевой готовности, дополучат необходимое оружие и боеприпасы согласно штатам военного времени... А вот дальше? Что делать тем, кто всю свою жизнь выполнял приказы, после того как отдавать их стало некому? Что делать тем, кто присягал защищать Родину, когда вместо Родины — кучка самостоятельных поселений-анклавов с населением в считанные тысячи жителей? И когда даже среди несметных полчищ оживших мертвецов главными и самыми страшными врагами людей все равно остаются люди?

УДК 82-312.9(02)  
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Борис Громов, 2015  
© Художественное оформление,  
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2068-1

Город умер. И это было по-настоящему жутко. Ужас вызывали вовсе не отвратительный запах гари и тлена, висящие над его улицами, не замершие на обочинах пыльные автомобили, хозяева которых уже никогда не сядут за руль, не пустые и темные, будто ослепшие, провалы окон и витрин, не мелкий мусор, что гонял по грязным, совсем недавно очистившимся от снега и льда и уже подсохшим шоссе и проспектам прохладный весенний ветерок. Если бы дело было только в этом, то окружающий пейзаж можно было назвать... ну, возможно, неприятным, даже страшноватым. Но действительно жутким его делало нечто другое. Жизнь покинула эти улицы, но уступила свое место вовсе не тишине и запустению. Во владение всем вокруг вступила Смерть. Смерть невозможная, противоестественная, неправильная и от того еще более кошмарная. Это именно она неторопливо шаркала по асфальту дорог и плитке тротуаров тысячами, десятками тысяч пар покрытых струпьями, подсохшим гноем и давно свернувшейся черной кровью ног. Именно она взирала на яркое весеннее небо десятками тысяч тусклых, будто мутными бельмами затянутых глаз. Она глодала покрытыми вязкой слизью желтыми клыками кости и рвала ими протухшее мясо трупов. Она вела безжалостную охоту за немногими оставшимися в городе живыми.

Маленький светло-серый, с аристократичной белоснежной «манишкой» на груди и такими же «тапочками» на лапах, пушистый, будто одуванчик, котенок осторожно крал-

ся вдоль ряда выстроившихся вдоль стены выгоревшего продовольственного магазина металлических мусорных контейнеров. Лапы мягко и бесшумно ступали по давно остывшим углям, уши сторожко подергивались. Даже этот малыш прекрасно понимал, насколько сильно изменился и как опасен стал мир вокруг за последнее время. Впрочем, время — это человеческая категория, животные его не осознают. Он просто знал, что сначала все было хорошо: Она любила его, кормила вкусным, ласково чесала за ушком и разрешала охотиться на большой красный бант из бумаги. Он тоже любил Ее и изо всех сил урчал, лежа на Ее коленях, потому что чувствовал, как Ей это приятно. Потом внезапно случилось что-то страшное. Однажды Она пришла домой сильно больной, он не понимал, но чувствовал это. Не покормила его, не дала бант и даже на урчание совершенно не реагировала. А вскоре вовсе перестала быть Ею, той, которую он беззаветно любил всем своим маленьким сердечком, и превратилась во что-то страшное, злое и хищное. Что-то, желавшее только одного — его смерти. Он, спасаясь, едва успел сигануть в приоткрытую форточку и с тех пор жил на улице, добывая пропитание и спасаясь от...

Уши котенка вдруг встали торчком, шерсть вздыбилась, и он дымчатой молнией взлетел на крышку ближайшего контейнера, где, выгнув спину коромыслом, взвыл на одной бесконечной тягучей ноте, сверкая зелеными круглыми глазищами. Выскочившая из-за угла небольшая мертвая дворняга, донельзя ободранная, с торчащими сквозь обрывки шкуры ребрами и выгрызенным животом, с грохотом врезалась в стенку контейнера и тупо уставилась вверх, на исходящего шипением, будто вскипевший чайник, котейку. Тот, гневно позавывав еще несколько секунд, сообразил, что опасность, похоже, миновала и ждать каких-либо проблем от противника уже не стоит, победоносно фыркнул и прыжками, с одного контейнера на другой, бросился прочь. Потому что уже успел уяснить — если стоящий перед тобой прямо сейчас противник слаб и глуп, то это во-

все не означает, что рядом не ошивается другой, куда более сильный, умный и ловкий.

А дохлая псина продолжала стоять, глядя белесыми, тусклыми, словно оловянные пуговицы, глазами вслед несостоявшемуся обеду. В умершем, разлагающемся городе Жизнь одержала пусть и маленькую, но все же победу над Смертью, и, значит, еще не все потеряно. Надежда остается всегда.

*г. Пересвет, база подмосковного ОМОНа,  
28 марта, среда, поздний вечер*

— Ну что, комиссар Толмачев, опять ты в историю влез? Все неймется тебе? А если б они тебя, Грошев, не послушали? Ведь могли не просто морду набить, а и пристрелить под горячую руку... Не умничал бы ты, Грошев. Вот со стороны на тебя глянешь — вполне себе нормальный боец ОМОН: сам здоровый, морда кирпичом, взгляд зверский... А как рот откроешь — все, сразу все твое высшее образование из тебя переть во все стороны начинает, как квашня из кадушки. Так что уж лучше помалкивай, а то из образа выбиваешься.

Нет, умеет все-таки командир Отряда полковник Львов, которого парни за глаза зовут просто Батей, внушения делать! Ведь и не ругается, и не орет, кулаками по столу не стучит, и даже шутит. Голос тихий и такой... словно у доброго учителя, который нерадивому хулиганистому ученику что-то объяснить пытается. А чувствую я себя при этом... Короче, уж лучше бы он орал и кулаками стучал.

— Виноват, — понуро склоняю голову, — только ведь вся эта буча, если честно, при некотором моем участии началась. Ну и не смог я в стороне остаться. Сам наломал дров — сам и исправить пытался. Вроде вполне удачно.

— Виноватых бьют, Боря, — укоризненно смотрит на меня командир Отряда. — А так — да, твоя правда: в том, что ситуация эта возникла, — ты же сам и виноват, пусть и частично. Отсюда — возврат к тому, с чего начали: меньше языком молоть нужно где попало, когда попало и при ком попало.

Возразить мне нечего.

— Ладно, я тебя не совсем по этому поводу вызвал, — вроде как сменяет гнев на милость Батя и тут же припечатывает меня «приятным известием» к стулу: — Есть мнение, что с разведки складов тебя придется снять...

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Вроде ж на «Таблетке» все без эксцессов прошло; тихо, чисто и без потерь отработали. Первая колонна грузовиков оттуда уже вернулась, под завязку оружием и боеприпасами загруженная. Парни из второй роты, что погрузку прикрывали, на вопросы: «Сколько там всего?» — только тихо стонут и закатывают глаза. Понятное дело — много, очень много. Это снаружи, если с дороги, проезжая мимо, смотреть, «Таблетка» выглядит до крайности несерьезно: территория вроде большая, а строений — три двухэтажных домика, электроподстанция да два ветхих на вид ангара. Остальная площадь — лес. Правда, понимающему в вопросе человеку в глаза сразу бросится, что все деревья в этом лесу примерно одной высоты и что стоят они уж больно ровными рядами. Потому что когда-то давно тут этот лес специально посадили, чтоб под его кронами спрятать от лишних глаз кое-что важное. Склады. Огромные подземные хранилища Росрезерва и арсеналы ВВС. Которые теперь, в том числе и при моем скромном участии, принадлежат нам. Что ж не так тогда? За какую такую провинность я умудрился в немилость впасть?

Командир явно уловил мой настрой и поспешил успокоить:

— Не мороси, Борис, косяков за тобой никаких нет... Но в свете некоторых произошедших событий и в связи с твоей пламенной речью в ментобате... Словом, есть другая работенка. Как раз для такого, как ты...

— В смысле, такого же симпатичного?

— Не хами, — легонько прихлопнул по столу ладонью Львов и бросил на меня серьезный, лишенный даже намека на веселость взгляд. — Я понимаю, конец света, все дела, но, как ты сам ввэрам сказал, — если уж мы все еще военизированная структура, а не банда батьки Ангела, то про су-

бординацию и дисциплину забывать не стоит. А «для такого» — значит «для такого болтливого». В смысле — общительного и сообразительного. Мы тут с начштаба посидели, подумали и пришли к выводу, что имеется у нас один весьма серьезный недостаток: вокруг столько всего творится, а мы почти ничего не знаем. В свои дела зарылись по брови, а по сторонам даже не смотрим. Неправильно это, потому что может для нас в результате плачевно закончиться. Как там в Боевом уставе? «Разведка является важнейшим видом боевого обеспечения...» Что дальше?

— «Разведка должна вестись активно и непрерывно, а разведывательные данные должны быть своевременными и достоверными», — без запинки заканчиваю я.

— Вот-вот, — кивает Львов, — не забыл азов, разведчик, вижу. В общем, решили мы использовать твою группу в качестве глаз и ушей. Задача по смыслу простая — проехаться по разным анклавам, посмотреть, чем народ живет и дышит. Понимаю, выполнить ее будет несколько сложнее, чем поставить, но вот тут твои коммуникабельность, хорошо подвешенный язык, общая толковость и сообразительность как раз очень даже пригодятся. Для начала прокатайся в армейский учебный центр «Пламя». Знаешь, где это?

— Конечно, — уверенно отвечаю я, — по Ленинградке, рядом с Солнечногорском. Когда фанатов «Зенита» от границы области до Москвы и назад колонной тягали — постоянно мимо проезжали, там еще указатель здоровенный, прямо возле трассы.

— Именно, — хмыкает согласно Батя. — Опять же — для поездки туда у нас вполне серьезный повод имеется. Там, как я понял, коллеги твои по прошлой специальности, «летучие мыши» из ГРУ, плотно законтачили с командованием центра и совместными усилиями строят чуть ли не целое княжество. С территорией у них проблем нет, с оружием и техникой — тоже. Людей, конечно, не сказать что много, но всяко больше, чем у нас, и уровень подготовки ударных групп — нам только позавидовать такому остается. Взялись

за дело серьезно, эвакуируют и вывозят к себе штатских сотнями. Помимо всего прочего, как я понял, умудрились развернуть у себя что-то вроде лаборатории по изучению всего этого вирусного безобразия. И вышли на нас, попросили помощи...

— «Вакцина»? — уверенно предположил я.

— Точно, она самая, — подтвердил мою догадку полковник.

«Вакцина» — это серьезно. Если «подсолнухи» решили изучать накрывшую и едва окончательно не угробившую весь мир эпидемию, то она для них — идеальный вариант. Вирусологический центр Научно-исследовательского института микробиологии Министерства обороны. В свое время там такое выдумывали и в жизнь воплощали, что Америка, ну, та ее часть, что была в курсе дела, мелко тряслась и по ночам под себя жидко гадила. Официально там сейчас исключительно борьбой с вирусными угрозами занимаются. Хотя, подозреваю, что это так, для отвода глаз, а на деле продолжают трудиться над тем же, над чем и при Союзе, но это уже мои догадки, ничем не подтвержденные. Так что там и персонал, и оборудование, и расходники разные и все прочее, чему я, в вопросе совершенно несведущий, даже названий не знаю... Не силен я в микробиологии, только про какую-то чашку Петри помню откуда-то. Но думаю, что все необходимое на «Вакцине» имеется, и в немалых количествах. И главное — она уцелела. На третий, кажется, день, с утра пораньше, собралась толпа каких-то не совсем адекватных граждан, и с воплями — мол, это здешние «яйцеголовые» во всем виноваты, они вирус выпустили, — пыталась устроить на «Вакцине» погром с попутным поджогом и линчеванием. Но тогда в Посаде остатки батальона ППС относительный порядок еще пытались поддерживать. Они и вызвали на помощь наших, когда поняли, что сами могут не управиться. Ну, вторая рота и прокатилась... Даже без стрельбы обошлось. Большинству собравшихся погромщиков вполне хватило наведенного на толпу ствола КПВТ и простого вопроса: «Если во всем виноваты «пилюлькины» с

«Вакцины», то почему мертвецы восстали не только у нас в Посаде, но и в Америке с Африкой?» Толпа — она ж дура по определению: когда народ оравой прет что-то громить и жечь, да еще собирается попутно кого-нибудь вешать, то никто обычно никакими сложными вопросами не задается. Хватает простых объяснений. Страшный вирус есть? Есть! Лаборатория, что с вирусами работает, есть? Есть!!! Ну, собственно, все, типа, и сошлось... Это они во всем виноваты! Ату их!!! А вот стоит пыл такой толпы слегка охладить и конкретный вопрос задать, как мозги у большинства граждан снова включаются и начинают работать. И выясняется, что самые простые ответы — далеко не всегда самые правильные. А тут еще командир второй роты, Серега Зиятуллин, масла в огонь подлил, вежливо поинтересовавшись у собравшихся мужиков, кто, собственно — пока они, такие красивые, сильные и кто чем вооруженные, тут фигней страдают, — защищает от мертвецов их оставшиеся в городе семьи? После этого почти у всех в голове нужный рубильник мгновенно щелкнул, и несостоявшиеся поджигатели-линчеватели дружно рванули по домам на форсаже. Нет, нашлось несколько особо упертых, но им совместными силами ОМОН, ППС и немногочисленных, но уже собравшихся стоять до конца и потому настроенных более чем решительно офицеров из охраны «Вакцины», просто и незатейливо надавали по шеям. На этом все и кончилось.

— Товарищ полковник, так я, мягко говоря, не сильно в теме... Им там, в «Пламени», что-то конкретное с «Вакцины» нужно или по принципу: «Тащи все, что под руку попадется, а мы уже сами разберем, что нужно, что не нужно, а что — вообще на помойку, потому что ты, гоблин бестолковый и криворукый, сломал ценный прибор»?

Батя, похоже, представил себе подобную картину и тихонько булькнул, с трудом подавив смешок.

— Нет, Грошев, подобное тебе точно не грозит, хотя много бы я дал, чтоб глянуть на твою наглую физиономию в такой ситуации. Просьба у «Пламени» — более чем конкретная, причем просят они не столько что-то, сколько кого-то.

В смысле, очень нужен им один специалист, — Львов перевернул лист лежащего перед ним ежедневника на массивной деревянной подставке, — некто Игорь Иванович Скуратович. Вообще сам он из Новосибирска, как я понял, но буквально за две недели до всего этого приехал по каким-то своим делам к нам в «Вакцину», в долгосрочную командировку. Нужно обязательно его найти и передать ему вот это...

Командир выдвинул верхний ящик стола, достал оттуда и положил передо мной массивную трубку спутникового телефона с толстой, отогнутой вбок антенной. Сверху на телефон лег вырванный из блокнота лист со строчкой цифр — номером.

— Когда Скуратовича найдешь — набери этот номер, представься и доложи, что ты по поводу объекта «Парацельс». Только, предупреждаю сразу, давай без своих обычных фокусов. Чтоб не как с Гаркушей — а то рассказывал он мне про одного конкретно офигевшего в атаке «прапора»... На том конце будет начальник «Пламени», генерал-майор Лаптев. Он, в отличие от Олега Степановича, может отнестись к твоим хохмам без понимания, у генералов вообще обычно с чувством юмора — не очень. Все понятно?

— Так точно, тащ полковник! — подрываюсь со стула я.

— Хорош тут шагистикой заниматься. Можно подумать, я тебя, анархиста, не знаю, — фыркает Львов. — Чинопочитание он тут мне изображает... Думаешь, я про Ивантеевку забыл уже? Так что: «Не верю!» И учти, телефон береги пуще глаза. Угробишь «трубку» — вообще можешь не возвращаться, своими руками придавлю, как гидру мирового империализма. У меня их всего две, одну тебе отдаю; можно сказать, с мясом от сердца отрываю. И вот еще...

Львов пишет на все том же блокнотном листке еще один номер.

— Это уже мой. Для экстренной связи и передачи самой важной, не терпящей промедления информации.

Ничего себе! Да, похоже, ошибся я: ни о какой опале и речи не идет. Скорее — наоборот, расту я в глазах руководства. Раз Батя мне настолько дорогостоящую технику вру-

чил, значит, действительно доверяет. Такие телефоны теперь даже не на вес золота, а куда дороже. Мобильная связь, похоже, окончательно крикнулась, а вот спутниковая, думаю, еще какое-то время должна продержаться, пока спутники не начнут орбиты терять без коррекции с Земли. И достать новый спутниковый телефон совсем не просто. Вот такой «Иридиум» — это вам не какие-нибудь «Нокия» или «Самсунг», что сейчас во всех салонах связи валяются, никому не нужные, на покрывающихся уже потихоньку пылью витринах. И за него, случись что, командир, пожалуй, и на самом деле голову открутит.

— Все сделаю в лучшем виде, товарищ полковник! Когда выдвигаться?

— По-хорошему бы — прямо сейчас, Боря, сам знаешь: раньше сядешь — раньше выйдешь... Но денек у тебя с парнями был нелегкий, и отдохнуть вам совсем не лишним будет. Так что завтра подъем, как в армии, в шесть ноль-ноль, и приступайте к выполнению поставленной задачи. Вопросы, жалобы, предложения?

Хм, когда это в армии на подобный вопрос утвердительно отвечать было принято?

— Никак нет, тащ полковник!

— Ну тогда дуй, к выезду готовься и — отбой, если «никак нет».

*г. Пересвет, база подмосковного ОМОНа — населенный пункт Загорск-7 «Вакцина», 29 марта, четверг, утро*

Ровно в шесть утра на полу возле моего уха зажужжал, завибрировал мобильник, давно загнанный мною в автономный режим и выполняющий теперь исключительно функции часов и будильника. Нужно, кстати, на эту тему серьезно подумать. В смысле, нормальные наручные часы раздобыть. Сейчас ведь времена такие настали, что не только «Касио Джи-Шок», но и настоящим «Лонжином» или «Брегетом» разжиться можно. Главное, чтобы хватило смелости залезть туда, где эти часы, никому теперь не нужные, лежат, и удачливости — назад вернуться. Отключив сигнал

еще до того, как начала пиликать мелодия, я сел на спальнике и начал натягивать на себя термобелье и «горку», которую приготовил еще с вечера.

Едва я сел, как со своего спального мешка в противоположном конце комнаты приподнялся и вопросительно мотнул головой Михаил, тот самый, что своей черной банданой так гордится. Вот ведь слух у человека! Жестами я показал ему, что все нормально, мол, спи дальше. Миша понятливо кивнул и снова уронил голову на заменяющий подушку валик из одежды.

Одевшись, я на цыпочках, стараясь не скрипеть плашками дешевого ламината, обошел и разбудил свою «бригаду» аккуратным потряхиванием за ногу. Проснулись мгновенно все, даже Гумаров. Я же говорил уже, что беспробудным сном наш татарин дрыхнет только тогда, когда ему ничто не угрожает и никаких важных дел нет. А если нужно — подрывается как миленький. Закончив с одеванием, мы сгребли в охапку оружие, бронежилеты, шлемы и разгрузки и осторожно, изо всех сил пытаюсь потише громыхать железом, выбрались в коридор, где вдоль стенки аккуратно рядочком стояли берцы. Там и обулись, и доэкипировались, и снаряжение окончательно подогнали. Осталось только дополнительный БК в дежурной части получить — и все, садимся в УАЗ и выдвигаемся.

Экипировку нашей группе я, кстати, решил подбирать максимально нейтральную по внешнему виду, почти как наш УАЗ. В смысле, любому понимающему человеку сразу становится ясно, что машина наша — не какая-нибудь «мечта фермера», а вполне себе военизированный аппарат. Но вот чей, к какому ведомству относящийся — да бог его знает: ни номеров, ни цветографических схем, ни «люстры» проблесковой на крыше, никаких других опознавательных знаков. Так же и мы будем выглядеть: оружие, шлемы ЗШ с забралом, набитые боеприпасами РПС. «Кирасы» третьего класса защиты. Пулеметную или снайперскую пулю, в отличие от «Корунда» пятого класса, они не удержат, но нам сейчас подвижность гораздо важнее, а «трешка», как ни

крути, почти на семь кило легче «пятерки». Совсем без брони или в одних только кевларовых чехлах нам ехать нельзя. Мы ведь не зомби отстреливать едем. Всегда остается опасность огневого контакта с людьми. А вот в такой ситуации отсутствие броника может стать последней ошибкой в жизни. Так, что еще? «Горки», берцы, защитные щитки на руках и ногах, перчатки, полотняные шапочки-маски, пока скрученные и одетые вместо подшлемников. Зато, если понадобится, буквально за секунду ее можно на лицо стянуть и устроить самое что ни на есть настоящее маски-шоу. Тот еще видок у нас сейчас. В смысле, сразу видно, что точно не рыбаки и не грибники какие-нибудь, но ведомственную принадлежность с первого взгляда не вычислить. Что в определенных обстоятельствах может сыграть нам на руку. Все, кто стоит по нашу сторону закона, учитывая, что армейцы сейчас сами всем желающим оружие раздают, первыми стрелять в нас не станут, если мы их ничем не спровоцируем, потому что не будут наверняка уверены, что мы — враги. Те, кто с противоположной, — тоже не станут: собственно, по той же самой причине. Прошли те времена, когда вся братва исключительно в «адидасах» и кожаных куртках щеголяла. Сейчас среди бандюков тоже полно и служивших, и воевавших. И если прижмет — а сейчас как раз прижало, — они быстро вспомнят (думаю, уже вспомнили) весь свой армейский опыт. А вместе с ним вернется и «стиль одежды». Понятное дело, что всегда остается шанс нарваться на каких-нибудь уж совсем беспредельных отморожков. Но от таких типов вообще никто не застрахован: будь ты в ведомственном камуфляже и при всех положенных шевронах, в китайском спортивном костюме и турецкой кожанке или вовсе в старом драповом пальто, облезлой шапке из ондатры и стоптанных зимних ботинках на рыбьем меху. Таким уродам абсолютно все равно, кто ты и во что одет, достаточно того, что рожа твоя им не понравилась. Но тут уже все зависит только от твоих способностей и готовности все свои познания и умения пустить в ход. У нас и с первым, и со вторым все в полном порядке. Плюс — противоположное

бронирование УАЗа, три автомата и «Печенег» Тимура. Подходи — не бойся, уходи — не плачь!

Разместились вполне даже комфортно: я за рулем, Гумаров — на переднем пассажирском сиденье, рядом со мной, «неразлучники» Андрей Буров и Андрей Солоха — на заднем. Ящики с патронами сложили в «собачник», там же Солоха какой-то большой брезентовый баул уложил. Тимур свой пулемет сразу пристроил в расположенной прямо перед ним круглой бойнице, прикрытой до этого крышкой. Сектор обстрела, конечно, не идеальный, но в качестве курсового «Печенег», случись что, сработает вполне достойно.

Через Посад ехать я снова не решился. Даже не знаю, чего в моем поведении было больше — осторожности, которая подсказывала, что на неосвещенных улицах сейчас можно запросто влететь в какую-нибудь нам совершенно не нужную передрагу, или банального страха и нежелания увидеть, во что превратился сожранный ожившими мертвецами родной город. В общем, рванул в объезд, по Ярославскому шоссе. Снова пролетел мимо Торбеева озера с одной стороны и Осинников с другой, подумав еще, что на обратном пути, пользуясь служебным положением, надо будет обязательно к отцу и его «банной команде» заскочить. Какая-никакая помощь им точно не помешает. Кроме того, Осинники на данный момент — вполне себе самостоятельный анклав, пусть и небольшой совсем. А какая задача мне изначально командиром Отряда ставилась? Вот-вот, и я о том же! Все строго в рамках приказа — веду разведку, смотрю и слушаю, кто чем живет и дышит.

Объехав Посад по Ярославке и свернув с нее на узкую и плохо заасфальтированную объездную, выруливаю к перекрестку и старому, давно закрытому посту ДПС, что стоит буквально в сотне метров от центрального КПП «Вакцины». Связь с местной охраной Зиятуллин установил, еще когда отгонял от поселка погромщиков, так что вышли на нее и согласовали свое прибытие мы еще на подъезде. Остановившись у заколоченной и заваренной листами железа будки, вызываю охрану еще раз и предупреждаю, что УАЗ со сторо-

ны перекрестка — это мы. Получив подтверждение, мол, фары ваши видим, стрелять не будем, трогаюсь и неспешным зигзагом, объезжая выложенные перед КПП в художественном беспорядке бетонные блоки (не было их тут раньше, автобусная остановка — была, а вот блоков этих — не было: явно уже после начала всех этих событий, а то и после неудавшегося погрома выложили), выруливаю к сдвигающимся в сторону воротам. Будка проходной теперь смотрится настоящей маленькой крепостью: стены обложены снаружи все теми же бетонными блоками, в окнах — утрамбованные пластиковые мешки с землей, оставлены только узкие бойницы для стрельбы, все сооружение густо оплетено колючей проволокой. Прямо блокпост в Чечне, а не проходная режимного объекта в Подмосковье. Зомби перед воротами, кстати, нет ни одного. Что, в общем, неудивительно — до Посада километра два, и вдоль дороги только лесополосы и пустыри. Нет мертвецам никакого интереса сюда тащиться.

В свет фар выходит из утреннего полумрака человек в трехцветке с автоматом на груди, и я, повинувшись его жесту, гашу фары и выхожу из машины.

— Приветствую, — тон у встречающего нас капитана вроде вполне приветливый, но автомат из рук он не выпускает и ближе подойти не спешит, — как там дела у спасителя нашего, Димки Сафиуллина?

— Дела у него отлично, жив-здоров, чего и вам, думаю, желает... Только его Сергей зовут... Зиятуллин, — максимально доброжелательно улыбаюсь я в ответ.

Проверочка, конечно, примитивная, на уровне чуть ли не детского сада, но вполне действенная. Капитан, явно успокоившись, только руками разводит, мол, вы парни взрослые, сами понимать должны. А мы чего? Мы все понимаем и не в претензии.

Ворота начинают неторопливо отползать в сторону. Я снова сажусь за руль и загоняю УАЗ на маленькую асфальтированную площадку сразу за будкой проходной.

— Какими судьбами к нам? — интересуется все тот же капитан, когда мы вчетвером выбираемся наружу.

— Человека одного ищем, из числа вашего научного персонала. Скуратовича Игоря Ивановича, — честно отвечаю я.

— Зачем он вам?

Что ж, вполне логичный вопрос. Приехали какие-то омовцы, хотят забрать ученого. Я б на месте этого капитана тоже причиной заинтересовался.

— Да как сказать... Я и сам не знаю. У меня приказ простой: приехать к вам, найти этого человека и организовать ему сеанс связи с руководством учебного центра «Пламя». Все. Что и как будет дальше — пока и сам не знаю. Это, видимо, как раз от вашего Скуратовича и зависит.

Капитан понятливо кивнул.

— Хорошо. Ребята твои пусть тут, возле машины подождут. Мои парни из дежурной смены их пока чаем угостят. А мы с тобой давай до жилого корпуса прогуляемся. Связь-то как устанавливать будешь?

— Посредством технических средств, — хохотнул я и продемонстрировал извлеченный из мародерки спутниковый телефон.

— Ого, — брови капитана удивленно поднялись, — кучеряво живете! Ну, пойдём.

На поиск ученого много времени не ушло. Скуратович оказался ранней пташкой. Когда капитан тихо постучал костяшкой указательного пальца по металлической пластине вокруг личинки дверного замка его комнаты, Игорь Иванович уже не только не спал, а даже собирался чаевничать на крохотной кухоньке. Еще один плюс закрытой и охраняемой территории, принадлежащей военным, — автономность. Пусть и не полная, но как минимум свет, отопление и водоснабжение — свои, да и продовольствия некоторый резерв по-любому иметься должен, все же не девяностые годы на дворе, когда армию едва на мелкие куски не растащили и этими самыми кусками — разворовали. Конечно, до былой мощи Союза — далеко, но от нищеты пятнадцатилетней давности оправляться начали понемногу. В общем, и тусклая лампочка под потолком на кухне горела, и черный пластиковый электрочайник синей подсвет-

кой уютно ей вторил. Будто и не случилось ничего, будто прежняя жизнь продолжается. Разве что дикторы с телеэкрана не несли обычную утреннюю чепуху.

— А, Арсений, приветствую, — явно узнал моего провожатого хозяин и поздоровался за руку сначала с ним, потом со мной. — Чем обязан?

— Да вот, Игорь Иванович, к вам люди приехали. Говорят — по делу. Пообщаться хотят.

— Даже так? — Ученый с интересом оглядывает меня. — И какие же вопросы возникли у спецназа к скромному вирусологу?

Как могу, объясняю ученому, кто я вообще такой и зачем к нему приехал. Выходит, и сам это понимаю, несколько коряво: приперся ни свет ни заря какой-то... кхм... деятель с бугра, собирается с кем-то созвониться, и только этот самый «кто-то» даст, наконец, относительно вразумительные объяснения. Ну, я надеюсь, что даст.

Скуратович выслушивает эту ахирию вполне доброжелательно и только руками разводит, когда я заканчиваю свой короткий монолог, мол, давайте, соединяйте, коль уж приехали. Снова достаю из мародерки спутниковый и с сомнением гляжу на висящие на стене кухни часы в виде расписанной под гжель стеклянной тарелки. Пятнадцать минут восьмого... Не рано? Все-таки генералу звонить собираюсь. Мало ли... Впрочем, судя по тому немногому, что я от Бати о генерал-майоре Лаптеве узнал, человек он умный и деятельный. Не Павлов какой-нибудь, прости господи, который (если историкам верить), начало войны банально проспал: к нему люди на доклады ломаются и телефоны обрывают, потому что немецкие пушки уже пограничные заставы с землей мешают, а адъютант всех разворачивает, мол, у товарища командующего округом по распорядку дня — сон, давайте-ка попозже. Так вот, Лаптев, как я понял — не из таких. Ну, раз так, будем звонить. Только для начала на подоконник присяду. «Иридиум» спутниковый — не моя старенькая мобильная «Нокия», в глубине квартиры сигнал может и не поймать. А на улицу тащиться что-то не хочется.

Похоже, в предположениях своих я не ошибся. Трубку взяли уже после второго гудка, а голос ответившего был вполне бодрым:

— Слушаю, Лаптев.

— Здравия желаю, товарищ генерал-майор. Прапорщик Грошев, ОМОН Сергиев-Посад, по поводу объекта «Парацельс»...

Услышав, какой оперативный псевдоним ему присвоили, Скуратович только фыркнул, но сравнение ему польстило, по лицу вижу.

— Вы обнаружили объект? — Слушая голос в трубке, поневоле хочется встать по стойке «смирно», сразу чувствуется — привык и умеет командовать человек.

— Так точно, товарищ генерал-майор, «Парацельс» сейчас рядом со мной.

— Хорошо. Грошев, этот человек чрезвычайно важен. Оставайтесь рядом с ним и ждите, в течение ближайших пяти — семи минут вам перезвонят. Передадите телефон «Парацельсу». И учтите, в случае необходимости «Парацельса» нужно защищать любой ценой; повторяю — любой. — Последнее слово Лаптев произнес с нажимом, давая понять, что в данном случае это не просто расхожее выражение, а прямой приказ: сам сдохни, всех людей своих положи, но объект спаси. Вот тебе и скромный вирусолог в слегка заношенном спортивном костюме и тапочках на босу ногу...

В трубке зачастили гудки отбоя.

— Ну что? — Капитану явно очень интересно.

— А фиг его знает, — на полном серьезе пожимаю плечами я. — Сказали ждать, через несколько минут перезвонят. Тогда отдам трубку профессору... Вы ведь профессор?

Скуратович иронично улыбается и отвечает мне легкий полупоклон:

— И доктор наук в придачу...

— Серьезно, — уважительно киваю я в ответ, — а я даже в аспирантуру не пошел, хотя очень звали, чуть не за шкирку тянули.

Выражение лица ученого выглядит забавно. Не ожидал профессор, ох, не ожидал! Ну да, когда стоит перед тобой такое рыло, поперек себя шире, да еще и оружием с ног до головы увешанное и в броню упакованное, то первая мысль на тему его образования и уровня умственного развития: «Три класса церковно-приходской и младшие командирские курсы». А тут — аспирантура! Есть от чего слегка обалдеть. Но перейти к выяснению подробностей моей биографии профессор не успевает — в моих руках оживает и начинает пикировать «Иридиум». Вот тебе и пять — семь минут... Нет, точно этот человек кому-то сильно нужен!

Нажимаю на кнопку приема вызова и подношу трубку к уху.

— Игорь Иванович?

Голос точно принадлежит не генералу.

— Секунду. — Я жестом предлагаю Скуратовичу располагаться на все том же подоконнике и передаю ему трубку.

— Алло, слушаю вас...

Некоторое время ученый внимательно прислушивается и морщит лоб, что-то вспоминая.

— А, Роман! — Морщинки на переносице разглаживаются. — Конечно же помню: конференция на биофаке МГУ в прошлом году, мы с вами еще обсуждали проблему...

Все! Дальше и для меня, и для капитана начинается «непереводимая игра слов с использованием местных идиоматических выражений» минут на двадцать. Ей-богу, не вру: натуральный «цигель-цигель, ай-лю-лю». Причем если в «Бриллиантовой руке» актеры несли полную абракадабру, но смысл сказанного угадывался совершенно без проблем, интуитивно, то тут — строго наоборот. Вроде по-русски человек говорит, и даже отдельные понятные слова проскальзывают, но хотя бы общий смысл уловить — нереально.

— Даже так? Чистый исходник вируса? Это откуда же, позвольте полюбопытствовать? — Профессор явно взволнован: вон с подоконника вскочил, и даже рука, держащая трубку, слегка подрагивать начала.

Видно, собеседник рассказывает Скуратовичу что-то весьма захватывающее. Профессор смотрит сквозь нас с капитаном круглыми от удивления глазами и едва не садится мимо своего не слишком комфортного «посадочного места».

— Не может этого быть! И кто же это умудрился? А, понимаю, закрытая информация...

После этого ученый переходит на обсуждение каких-то, как я понимаю, имеющих или, наоборот, отсутствующих в «Пламени» приборов, и я снова начисто перестаю понимать, о чем вообще идет речь.

— Да, Роман, прекрасно вас понял и согласен. Скажите вашему старшему, пусть немедленно выходит на руководство «Вакцины». Думаю, согласовывать подобные вещи нужно не на нашем с вами уровне... Да, конечно, сам я выезжаю, как только соберу всех оставшихся тут специалистов и отдам распоряжения по поводу сборов и упаковки всего необходимого. До встречи!

Скуратович жмет на кнопку сброса вызова и, резко встав с подоконника и направившись к входной двери, смотрит на капитана.

— Арсений, мне необходимо срочно переговорить с полковником Кожевниковым. Это чрезвычайно важно!

— Хорошо, Игорь Иванович, — капитан, похоже, как и я, понял только самое главное — происходит что-то весьма серьезное, — только, может, хотя бы переоденетесь? На улице опять подморозило, а вы в тапках...

*Ярославское шоссе — Ленинградское шоссе —  
учебный центр «Пламя», 29 марта, четверг, день*

Сборы на «Вакцине» вышли долгие. И это при том, что личных вещей у Скуратовича набралось ровно на средних размеров спортивную сумку. Впрочем, а что ему в «Пламя» тащить? Смену белья, костюм спортивный с тапками, мыльно-рыльные... Ну, ноутбук еще... Как он сам сказал, на мой удивленный взгляд отвечая: «Меня заверили, что всем необходимым на месте обеспечат, нечего лишними вещами обростать». Силен мужик; без шуток — силен. Ува-

жаю! Так что, если бы процесс сборов в дорогу заключался только в упаковке личных вещей ученого, мы уже минут через двадцать в сторону «Пламени» на всех парусах летели. Но дело было совсем не в этом. Сначала мы с капитаном проводили все же решившего переодеться по сезону вирусолога к начальнику «Вакцины». И там застряли часа на полтора. Полковник Кожевников, одолжив у меня казенный «Иридиум», долго что-то согласовывал с руководством «Пламени» и Скуратовичем, разрываясь между трубкой спутникового телефона и ученым, как та хрестоматийная обезьяна из анекдота. В конце концов все участвующие в переговорах стороны «нашли консенсус», и Игорь Иванович двинулся ставить задачи и раздавать ценные указания подчиненным и коллегам. Там мы еще почти на два часа зависли. Видели б вы тот безумный «консилиум», когда они список всего потребного к отправке в «Пламя» оборудования составляли! Песня, с припевом... Вроде бы ученые, образованные люди. А гвалт подняли — куда там павианам в обезьяннике. Никакой дисциплины! Ей-богу, пару раз даже подумал о том, что еще чуть-чуть, и пора будет мне вмешаться и навести порядок (ну или хоть какое-то его подобие) при помощи магических подзатыльников и громкого мата. Обошлось... Но, как было написано на одном известном колечке некоего не менее известного древнего самодержца: «Все проходит, и это тоже пройдет»!

По итогам дебатов, как я понял, для перевозки всего записанного в перечень, что занял несколько стандартных листов офисной бумаги для принтера, исписанных мелким и корявым почерком, понадобится несколько грузовиков. Десяток, не меньше. Да еще и грузчики не помешают. Кстати, это да! Своими, что ли, силами работники умственного труда будут свои многочисленные «цитомеры» грузить? Это вряд ли... Ума-то им бог дал — остальным на зависть, а вот с физическими данными у всех — так себе. Или тощие как щепки, или, наоборот, излишне упитанные. Таскать-грузить не обученные, да и не готовые. Стоит ли рисковать? Ведь и спины посрывают, к чертям собачьим, и ценное обо-

рудование порасколотят. А главное, уйдет у них на это не меньше недели. Нет, без грузчиков — никак! И плюс какой-нибудь автобус, для вывоза научного персонала и их семей.

На вопрос Скуратовича, сможет ли Отряд в нашем лице предоставить все необходимое для транспортировки, я только руками виновато развел. Откуда? У нас сейчас всюю вывоз «Таблетки» идет, да плюс к тому — стену вокруг центральной части Пересвета уже начали ставить. Пока — силами ниихиммашевского СМУ, из имеющихся у них бетонных блоков и плит. Завтра первые группы пойдут за защитными экранами на Ярославку, в район Королева и Мытищ. Словом, и рады бы — да никак. Снова пришлось выходить на «Пламя». В конце концов, это все-таки в их интересах. Коротко обрисовываю сложившуюся ситуацию. Генерал Лаптев, выслушав меня внимательно, не перебивая, замолкает на несколько секунд, обдумывая.

— Хорошо, Грошев. Передай «Парацельсу» — будут и грузовики, и грузчики, и автобус для его «белых халатов». И разместим мы их на месте со всеми возможными по нашим временам удобствами, и под лабораторию помещение выделим... Лишь бы толк был от этих «профессоров Нимнулов»!

От неожиданности я не смог сдержаться и изумленно хрюкнул в трубку, в последний момент попытавшись замаскировать не совсем подходящий в разговоре с генералом звук под покашливание. Неудачно: Лаптев явно все расслышал и понял правильно, а потому после секундного молчания продолжил вполне нормальным, человеческим и даже слегка извиняющимся тоном:

— У генералов тоже есть дети, Грошев, и эти дети тоже когда-то были маленькими и смотрели мультфильмы... — Хмыкнув и снова секунду помолчав, он продолжил уже командным голосом: — Так, последнее, про «Нимнулов» — не передавай, а то еще обидятся. У них же душевная организация тонкая... Понял меня?

— Так точно, тащ генерал-майор!

— Вот и молодец, раз «так точно». Сам же в кратчайший срок доставь «Парацельса» сюда. Без этих его «цитомеров»

мы какое-то время обойдемся. Понадобится — другие отыщем, благо Москва под боком и разных биологических институтов и прочих профильных «контор» в ней хватает... А вот без «Парацельса» — никак. Выполняй, Грошев!

В трубке коротко запикал сигнал отбоя. Довожу итоги разговора до собравшегося вокруг меня кружком «консилиума». Новость о том, что для них период неразберихи и ожидания непонятно чего, похоже, закончился, ученых явно взбодрила. Понятное дело! Смотрю я вокруг и вижу, что народ тут подобрался, может, и не глупый и, допускаю, в своих вопросах очень даже толковый, а то и талантливый. Да вот беда — все их таланты и знания лежат исключительно в научной плоскости. А вот в обычной жизни, как это часто со всевозможными «вчеными» и бывает, они беспомощны, словно слепые новорожденные кутята. Сейчас же вокруг даже не обычная жизнь, а форменный Амбец с большой буквы «А». Сначала мертвецы по земле пошли, обуреваемые одним-единственным желанием — человечинной перекусить, потом весь мир как-то уж слишком быстро, почти не пытаясь сопротивляться, в тартарары рухнул, затем какие-то мутные типы пытаются устроить чуть ли не холерный бунт с локальным геноцидом «в одном флаконе», в лучших традициях батяки Махно, в отношении ни в чем не виноватых ученых... А впереди, вместо хоть каких-то перспектив и надежды — туман войны и мрак неизвестности. И полнейшая безнадега. А тут приезжаю я, весь такой из себя фраер в белом, и объявляю, что «товарищи ученые, доценты с кандидатами» с этой секунды вовсе не балласт, никого не интересующий, и не потенциальный корм для оживших покойников, а очень даже нужные и ценные специалисты, которых готовы вывезти в по-настоящему безопасное, хорошо охраняемое место и обеспечить работой, питанием и жильем... В общем, как мне кажется, ящик хлявного мороженого в детсадовской песочнице не смог бы вызвать такого безоблачного счастья.

Обрадовав «вченых», я приступил наконец к выполнению основной задачи: чуть ли не бегом погнал Скуратовича

сначала на квартиру, за его весьма скромными пожитками, а потом — к КПП в машину. Вопреки моим опасениям, «бригада-ух» ничего не натворила, не упиалась дармовым чаем и не отправилась самостоятельно искать приключений. Парни чинно сидят возле стола в караулке и о чем-то беседуют с офицерами из бодрянки. Уж не знаю, что они местным в мое отсутствие наплели, но вполне взрослые дядьки с капитанскими да майорскими погонами чуть ли не в рот им смотрят. С другой стороны, рассказать моим есть что, за эти полторы недели такого нагляделись — ни в одном американском фильме ужасов не покажут. Ну и старое присловье всех рыбаков, охотников и военных: «Слегка не приврать — хорошую историю испортить» — оба Андрея тоже знают очень хорошо. В общем — не скучали они тут. Уже хорошо!

— Всё, отцы родные, прощаемся с гостеприимными хозяевами, благодарим их за хлеб-соль и — по машинам. Труба зовет, и все такое...

Парни понятно подрываются, мы вполне по-приятельски прощаемся с караульными «Вакцины» и, обменявшись взаимными пожеланиями удачи, рассаживаемся в УАЗе. Андреем на заднем сиденье теперь не так вольготно: чтоб посадить посередине Скуратовича, им пришлось немного потесниться. Но Солоха в общем-то не толстый, просто как тот Карлсон — «в меру упитанный», Буров — так и вообще, можно сказать, худой. Скуратовича тоже крупным не назвать. Так и разместились, по принципу: «В тесноте, да не в обиде». УАЗ негромко кашлянул стартером и бодро помчал нас в сторону Ярославского шоссе.

И снова: смотреть по сторонам, где над всем царят яркое и теплое, совсем не мартовское солнце и голубое безоблачное небо, мне откровенно тошно. Потому как в первую очередь бросается в глаза не вся эта весенняя природная красота, а пришедшая — скорее всего, по вине самих же людей — Катастрофа. Бредут по обочинам трассы или просто стоят омерзительными, окровавленными и разлагающимися статуями ожившие мертвецы. Уже перестали дымиться, выго-

рев дотла, дома, по самым разным причинам вспыхнувшие в первые дни эпидемии, а измятое рваное железо разбившихся тогда же автомобилей уже затянуло ярко-рыжими пятнами свежей ржавчины. Апокалипсис. Конец света. И ни единой живой души вокруг, словно я, Скуратович и мои сослуживцы — последние нормальные люди в этом умершем и восставшем для страшной и отвратительной нежизни мире. Если честно, от таких мыслей у меня аж мурашки по загривку забегали. Вроде бы знаю, что это не так, что есть наш Отряд и весь Пересвет в целом, есть соседний Краснозаводск, базы Софринской бригады в Ашукино и ОДОНа в Реутове, есть те же самые «Вакцина» и «Пламя», в которое мы прямо сейчас направляемся, в конце концов. Но мурашкам на это мое знание, похоже, плевать, им доводы разума безразличны. Зато что-то древнее, чуть ли не первобытное, из незнамо каких глубин подсознания выползшее, заставляет дыбом топорщиться волосы на затылке. Очень неприятное ощущение, да еще и на неприглядные пейзажи вокруг помноженное, даже такого толстокожего и непробиваемого гоблина, как я, способно вогнать в глубочайшую депрессию. Поглядываю время от времени в зеркало заднего вида, да на сидящего справа Тимура глаза скашиваю: похоже, парни себя чувствуют ничуть не лучше. Плохо дело! С таким настроем мы, случись что, много не навоюем. А чем их можно занять или отвлечь от тягостных дум, я и не знаю — ни одной даже самой завалящей идеи нет, как назло. Только и остается, что жать на газ, чтоб как можно быстрее добраться до Солнечногорска, благо ни одной машины, кроме нашей, на шоссе нет: в Москву сейчас ехать желающих, как я понимаю, не так уж много, а из... В общем, кто мог, из нее уже давно вырвался. Остальные либо уже мертвы, либо скоро умрут. Шансы выбраться из замертвяченной столицы сейчас практически равны нулю. Через миллионные толпы зомби на улицах не проскочить. Не поможет, думаю, уже ни машина, ни оружие. Разве что на танке или бронетранспортере... Да только у многих ли они есть? И я о том же...

— Слушай, Борь, а чего мы не по бетонке через Дмитров и Клин рванули, а через Ярославку и МКАД? — Тимуру тоже явно не по себе от окружающих «красот», и он, похоже, решил разговором отвлечься, да и меня заодно отвлечь. — Ведь могли бы приличный угол срезать...

— Могли, — согласно киваю я, — а могли и завязнуть наглухо. Потому что бетонка — это всего две полосы: одна туда, вторая обратно. Да плюс через два не самых маленьких города протискиваться, в которых тоже максимум по две полосы в каждую сторону. Да плюс мост в Дмитрове... А Ярославка — четыре полосы минимум, пусть и с отбойником посередине. И в населенных пунктах почти нет сильно узких мест. Про Кольцевую и говорить нечего. На соблюдение правил, полагаю, всем сейчас наплевать, так что чисто по математике шансы проскочить намного выше.

Гумаров несколько секунд молчит, видимо, прикидывает и припоминает маршрут, а потом одобрительно качает головой.

— Угу, не поспоришь, все верно. Ты это, Борь, если баранку крутить устанешь — только маякни, сразу подменю. Я водитель хороший.

— Это ты-то хороший? — неожиданно фыркает с заднего сиденья Солоха. — Тима, хорош тут бабушку лохматить! Сказки рассказывать будешь в милиции... Водитель он... А у кого в позатом году «геленд» поршень на ходу выплюнул?

— Ну, во-первых, — невозмутимо начинает загибать пальцы на правой руке наш татарин, — это когда было? Я с тех пор много работал над собой и повышал, понимаешь, профессиональный уровень. Во-вторых, вспомни, сколько тому «геленду» годков было? Он же ж ровесник кобылы Семена Буденного, ему уже по возрасту и сроку службы положено было поршнями плевать...

— А в-третьих? — продолжает ехидничать Андрей.

— Что «в-третьих»? — явно не понял Гумаров.

— Ну, обычно, когда люди вот так же пальцы гнут: «во-первы́х, во-второ́рых»... Короче, подразумевается еще и третий пункт. Или у тебя на него фантазии не хватило?

— В-третьих, шел бы ты в задницу, юморист фигов, — беззлобно и даже с этакой ленцой огрызается Тимур. — Я, может, и не Ральф Шумахер, но по крайней мере водить умею. В отличие от некоторых, что только велосипед в детстве и освоили. И то — трехколесный...

Фу... ну слава богу, отвлеклись мои хлопцы от мрачных дум, даже слегка повеселели и зубоскалить начали. Уже хорошо! А то сидели кислые, словно на поминках. Впрочем, почему «словно»? У нас сейчас каждый день — поминки с утра до вечера. По безвременно покинувшей нас прежней жизни и старому миру, который и сам медным тазом накрылся, и процентов восемьдесят, если не больше, народу за собой утянул. Вот их всех и поминаем, оптом, можно сказать.

Заправка возле торгового центра «XL», на которой в наш прошлый проезд вэвэры бойко раздавали оружие, оказалась покинутой. Лишь груда темно-зеленых оружейных ящичков в кювете, осиротевшее пулеметное гнездо на крыше да расстрелянный «Кайен» напоминали о том, что совсем недавно тут прямо-таки кипела жизнь. А сейчас даже плаката о порядке и нормах залива топлива на колонне с ценами нет: то ли ветром сорвало, то ли вэвэшники, уходя, сами сняли, чтоб народ не дезинформировать. Всё, мол: раздавали горючку, но теперь уже не раздают. Фиговый знак, кстати. Значит, и эти ребята, до последнего помогавшие вырывающимся из Москвы штатским, поняли, что делать здесь больше нечего и помощь их тут больше никому не потребуется. И ушли туда, где они нужнее. Точно — хана столице.

По совершенно непривычному, абсолютно пустому МКАДу (я его таким ни разу в жизни не видел) до пересечения с Ленинградкой домчались буквально за несколько минут, встретив по пути только пролетевший по встречной бронетранспортер, сопровождающий куда-то три тентованных армейских ЗиЛа.

На Ленинградском шоссе — снова запустение. Только у химкинской развязки бестолково околачиваются возле нескольких сильно покореженных легковушек, явно чем-то тяжелым, скорее всего — броней сдвинутых на обочину, не-

сколькo мертвяков, умеренно перемазанных кровью (не разобрать — своей или чужой). Нет, скорее все-таки чужой. Тут, похоже, серьезная авария приключилась, армейцы позже дорогу расчистили, чтоб ничего проезду не мешало, и если б те мертвецы из сдвинутых в кювет легковушек были, то их наверняка с ходу и упокоили. Так что, думаю, они откуда-то из окрестных дворов подхарчиться приковыляли. Собрался было притормозить и угомонить, но передумал: острой необходимости нет, а просто так патроны жечь и время терять — не стоит оно того! Дальше — еще хуже. Сначала возле мебельного торгового центра «Гранд», а потом, буквально через пять-шесть километров, возле «Меги», той самой, где под одной крышей все эти «Икеи», «ОБИ», «Стокманны» и прочие «Ашаны», — буквально забитые мертвецами автостоянки. Блин, а я думал, что на Калужской или перед Пироговкой их много было... Нет, по-настоящему много их — здесь: сотни и сотни бесцельно и неспешно ковыляющих туда-сюда или просто стоящих столбом разлагающихся оживших покойников. Тьфу, мля! Глаза б мои всей этой гнуси не видели!

В Солнечногорске картина тоже безрадостная: все те же зомби на улицах, все то же полное отсутствие следов живых людей. Хотя нет, ошибаюсь, вон они — следы! Причем в самом прямом смысле. Явно совсем недавно кто-то проехал по едва очистившемуся от снега газону, оставив на слегка оттаявшей земле глубокие колеи. М-да, точно на чем-то мощном и внедорожном катались. Отпечатки в грязи глубокие, и протектор, что эти отпечатки оставил, внушает уважение. Хватает и иных свидетельств «разумной деятельности». В принципе, обглоданных и буквально на части растащенных трупов на улицах сейчас предостаточно, но не везде они лежат так густо. А тут — будто кто-то встал неподалеку и методично, словно в тире, начал отстрел... О! Что я говорил! Вот и россыпь ярких, еще не успевших потускнеть, блестящих медью гильз. Интересно, кто это тут воевал? В Подмоскoвье что военные, что милиция давным-давно на калибр «пять-сорок пять» переведены. А тут явно

от «семерки» гильзы, автоматные. У «пятерки» они зеленые, крашенные, эти же вон как ярко медяшкой на солнышке блестят. Непонятно... Хотя, может, спецпура грушная резвилась? Или из ОМСН парни? Кроме них автоматов калибра «семь-шестьдесят два» в Московской области ни у кого нету. Или охотники какие-нибудь с СКС, там патрон тот же. Или кому-то с мобилизационных складов АКМы и АКМСы все же раздали? Желандинов на Ярославке, правда, говорил, что это не планируется, ну так он вовсе не самый высокий начальник и не истина в последней инстанции. В Королёве не планировали, а вот в Солнечногорске передумали. В общем — тайна, покрытая мраком. Ладно, не так уж оно важно, в конце концов. Валит кто-то мертвяков — и хорошо, выжившим хоть немного легче.

Сразу за Солнечногорском мне на глаза попадается интересная бензозаправка, здорово похожая на ту, что мы на Ярославке видели, только пока еще не совсем покинутая. Очереди из желающих заправить машину или получить оружие тут не наблюдалось, как не видно и грузовика с оружием, но возвышающаяся рядом с кассовой будкой груда ящиков характерного вида и колера говорит сама за себя. Армейцы (судя по шевронам, тут верховодили именно они, а не внутряки), опять же, свой форпост еще не покинули — посреди асфальтированной площадки грозно возвышается камуфлированная туша БМП второй модели, на которой вольготно расположились несколько слегка небритых, зато весьма хорошо вооруженных и экипированных мужиков в стандартной армейской «флоре». А еще на одном из окружающих заправку фонарных столбов уныло болтается, покачиваясь на ветру, труп с самодельной табличкой на груди. Ага: «Грабитель. Убийца. Насильник»... Видать, не у одного меня чувство социальной справедливости резко обострилось. Поставил себя вне человеческих законов — вот и получи полной мерой. Причем этому, судя по заскорузлomu бурому пятну на штанах, еще и «орудие преступления» отстрелили... Хотя не исключено, что и отрезали. Туда и дорога! Собаке — собачья смерть. Эх, притормозить бы, побол-

тать с мужиками, новостями обменяться. Но — нельзя. У нас имеется четкий и недвусмысленный приказ: любой ценой обеспечить безопасность и доставить в кратчайший срок. В таком разрезе незапланированная остановка в незнакомом месте — серьезная угроза безопасности. Ничего, на обратном пути притормозим, если армейцы раньше не снимутся. Один из сидящих на броне приветливо помахал нам рукой, я коротко вякнул крякалкой СГУ в ответ и покатил себе дальше. До поворота на «Пламя» остались считанные минуты.

— Ого, вот это ни... чего себе! — выдохнули в один голос Гумаров и Солоха.

М-да, остается только, как той собачке из анекдота про говорящую корову, удивленно лапками развести: «А я чего? А я сама офигела!» Серьезно тут народ за строительство оборонительных сооружений взялся, с огоньком. Генерал Карбышев, думаю, вполне одобрил бы. И без того вполне себе добротный, высокий бетонный забор по периметру учебного центра оплели в несколько слоев колючей проволокой. Изнутри через каждые полторы-две сотни метров поставили несколько... ну, я даже и не знаю, как сказать... Нет, по сути своей это, конечно, караульные вышки... хорошие такие, со стенами из бетонных блоков и крышами из бетонных же плит, с узкими, но вполне толково расположенными, обеспечивающими широкий сектор обстрела бойницами и, похоже, втягивающимися наверх лесенками. Но вот по исполнению... Наверное, именно такую вышку мог бы построить Зураб Церетели с его страстью к гигантизму. В общем, думаю, не сильно ошибусь, если предположу, что в одной такой вышке запросто сможет вполне свободно разместиться пехотное отделение в полном составе. Прямо-таки небольшой форт «на курьих ножках». Перед стенами, рыча, будто свора голодных динозавров, немилосердно коптя непрогоревшей солярккой из выхлопных труб и ею же, родимой, воняя, роют землю несколько траншейных машин и экскаваторов. Ох, елки-палки! Где ж вся эта красота была, когда мы в Чечне себе огневые позиции на базах готовили? При тамошнем-то

грунте, когда на один скребок лопатой нужно раз пять-шесть кайлом махнуть, такие машины могли бы стать настоящим подарком. Ан нет, на Кавказе я таких красавиц за все время не видал ни разу. Там мы, словно при царе Хаммурапи, все вручную долбили и рыли. А тут... Смотришь, как тут работа спорится, и аж по-хорошему завидно становится. Думаю, такими темпами они вокруг всего центра натуральный крепостной ров выкопают.

— Да уж, — словно читает мои мысли Тимур, — натуральный рыцарский замок. Только крокодилов во рве не хватает.

— Во рву, — машинально поправляю его я.

— Чего?

— Говорю, правильно говорить — «крокодилов во рву».

— Блин, Борь, да им, крокодилам, без разницы, они гимназиев не кончали.

Всю дорогу молчавший Буров неожиданно хмыкнул и ткнул пальцем в сторону въездных ворот.

— Фиг с ними, с крокодилами! Вы вон туда лучше гляньте.

Хм... нет, ну а что? Очень даже мило, практически по фэншую... По обе стороны от сдвижных ворот из-за забора торчат башни танков. Вполне себе обычные «семь-два» в пятнах камуфляжа. Способ установки, правда, на первый взгляд несколько странный, но это только на первый. Сейчас танк в капонир закапывать смысла не имеет. Равные по силам соперники для этих стальных мастодонтов — разве что в таких же, как «Пламя», на базе крупных воинских соединений созданных анклавов найдутся. Вроде той же Таманской или Кантемировской дивизий. Полагаю, руководители таких и без местечковых Прохоровок общий язык найдут. Зато против бандитов танк — натуральная вундервафля, которой и противопоставить-то нечего. Не то что пробить — дострелить до него не сможешь, а он тебя уже с глиной мешать начнет «чемоданами» калибра сто двадцать пять миллиметров. При таких раскладах танк не прятать нужно, а, наоборот, демонстрировать. Вот местные их на «постаменты» и загнали,

заодно здорово улучшив танкистам обзор и увеличив сектор обстрела. Молодцы, все по уму!

По извилистой и узкой дорожке между бетонных блоков я подгоняю машину поближе к воротам. Те начинают медленно откатываться в сторону. Странно, как-то необычно доверчиво они тут себя ведут. Или наличие двух «семьдесятдвоек» инстинкт самосохранения заглушило?

Ага, шаз! Заглушило... Прямо за воротами тут, оказывается, что-то вроде тамбура, только размера соответствующего, в таком не то что нашему УАЗу — парочке «Уралов» или КамАЗов тесно не будет. И окружен этот тамбур высокой бетонной стеной. Понятно: площадка досмотра автотранспорта. Все в полном соответствии с типовой план-схемой оборудования блокпоста в зоне боевых действий. Разве что мало какой «блок» в той же Чечне сразу два танка прикрывали.

Заглушив двигатель и оставив автомат в салоне, выбираюсь из УАЗа и, состроив на физиономии самое миролюбивое выражение и даже слегка выставив вперед пустые ладони, неторопливым шагом отхожу на пару шагов в сторону и останавливаюсь. Жду указаний. От кого? Да хотя бы от тех двух прапоров, что сейчас меня разглядывают. Не сказать чтоб сильно здоровые: шкафоподобные плечи отсутствуют, да и квадратных суперменских челюстей не наблюдаю, но... Очень уж спокойные хлопцы; на вид, я бы даже сказал, несколько преувеличенно неагрессивные. Вот только автоматы уж больно толково держат, да и стоят грамотно, вдвоем контролируя и меня, и наш УАЗ, и при этом ни друг другу линию огня не перекрывают, ни в сектор обстрела из бойниц нашего боевого «пепелаца» не попадают. Профи. Скорее всего — из «подсолнухов», стоящей тут же неподалеку бригады «летучих мышей». Спецназ Главного разведуправления. Серьезные парни. Очень напоминают мне моего армейского инструктора — прапорщика Комарова. Тот тоже внешне на Джонни Рэмбо совершенно похож не был, но, думается, случись необходимость — сожрал бы он того Джонни на ужин сырым, без соли и перца.

## ГЛОССАРИЙ

«**Вал**» — разработанный специально для спецподразделений МО, МВД и ФСБ России АС «Вал», калибра 9 мм (под патрон 9x39 мм). Является «бесшумным», а вернее, малошумным оружием для проведения специальных операций

«**вовчики**» — прозвище боевиков-исламистов (произошло от слова «ваххабиты») в ходе гражданской войны в Таджикистане в 1992—1997 гг.; «**юрчики**» — сторонники Народного фронта Таджикистана, антагонисты «вовчиков»

«**Волна**» — мобильная (устанавливаемая на автомобиле) радиостанция «Волна-201», состоящая на вооружении МВД России

«**гаврила**» (*сленг*) — пуленепробиваемый штормовой щит «Забор-М». Весит 41 кг и обеспечивает защиту от автоматных пуль калибра 5,45 и 7,62 мм. Из-за большого веса «Забор-М» не просто носят в руках, он прочно монтируется на груди сотрудника спецподразделения при помощи особых креплений

«**Дикая орхидея**», «**Милавица**» — известные компании, торгующие женским бельем

«**Историк**» — шифровальный блок к радиостанциям советского и российского производства

«**Коркоран**» — американская фирма, производящая довольно дорогие, но весьма удобные и качественные армейские берцы

«**Кремона**» — чешская компания, производитель неплохих и при этом вполне бюджетных гитар

**«крысиный волк»** — старый, еще времен парусного флота, морской способ борьбы с грызунами на корабле. Несколько пойманных крыс сажают в бочку и оставляют так на некоторое время. Когда голод становится нестерпимым, крысы начинают убивать и поедать самых слабых. Через несколько дней в бочке остается только одна крыса — самая сильная и злобная. Ее выпускают на волю. Такая крыса — «крысиный волк» — уже не ест ничего, кроме других крыс, и постепенно изводит все поголовье грызунов на корабле

**«Лидер»** — центр по проведению спасательных операций особого риска МЧС России. Собственное спецподразделение МЧС, предназначенное для проведения спасательных операций в особо опасных условиях, например в зоне военного конфликта

**«Мужик»** (*армейск. сленг*) — Орден Мужества

**«Северок»** и **«Арбалет»** («Северок-К» и Р-163-1КМ «Арбалет») — весьма легкие и компактные носимые армейские УКВ-радиостанции, обеспечивающие при своих небольших габаритах устойчивую и защищенную от перехвата противником радиосвязь на весьма приличных дистанциях. Постепенно заменяют в войсках носимые радиостанции более старых поколений, но пока ими экипированы в основном разведывательные подразделения и армейский спецназ

**«семь-два», «семьдесят второй», «семьдесятдвойка»** (*армейск. сленг*) — танк Т-72

**«собачник»** — небольшой грузовой отсек позади задних сидений УАЗа

**«Сфера»** (СТШ-81 — специальный титановый шлем образца 1981 года) — шлем, состоявший в 1990-х гг. на вооружении спецподразделений МВД и ВВ МВД

**«хмурый»** (*жарг.*) — героин

**«Черменский круг»** — крупный блокпост на трассе М29 «Кавказ», расположенный на административной границе Ингушетии и Северной Осетии

**«Штурм»** (9А-91, он же «девятка») — малогабаритный автомат под 9х39 мм патроны СП-5, СП-6 и ПАБ-9, состоящий на вооружении спецподразделений МО и МВД

«**Эфкамон**» — «разогревающая» мазь, улучшающая кровообращение и снимающая болевые ощущения

**ДРМ** — камуфляж вооруженных сил Великобритании, очень популярен во всем мире и имеет множество клонов (например, состоявшая на момент действий книги «на вооружении» спецподразделений МВД России «кукла»)

**бодрянка** (*армейск. сленг*) — бодрствующая смена караула

**БЭП (ОБЭП)** — отдел по борьбе с экономическими преступлениями

**бэха** (*армейск. сленг*) — БМП, боевая машина пехоты

**ВДД** — воздушно-десантная дивизия

**вход «крючком»** — один из применяемых спецподразделениями МВД России способов т.н. динамического входа в помещение, внутри которого находится или может находиться преступник

**ган-трак** — самодельная боевая машина на базе грузовика. Впервые «засветились» в армии США во время войны во Вьетнаме. Широко используются практически во всех военных конфликтах последних десятилетий

**группник** — командир отдельной группы (по численности примерно равной взводу) в подразделениях специального назначения

**диклофенак** — лекарственный препарат (в виде таблеток или внутримышечных инъекций), обладающий сильным противовоспалительным, анальгезирующим и жаропонижающим действием

**ДОН-100** — расквартированная в Ростове-на-Дону «сотая» дивизия оперативного назначения ВВ МВД России

**ДОС** — дом офицерского состава, жилые дома на территории войсковых частей, в которых проживают офицеры и их семьи

**ДОТ** — долговременная огневая точка

**ЗИП** — запчасти, инструмент, принадлежности

**ЗТБ** — пункт зарядки топливных батарей, место, где связисты заряжают батареи для носимых радиостанций

**Карл Льюис** — Фредерик Карлтон Льюис, американский легкоатлет, девятикратный олимпийский чемпион в беге на спринтерские дистанции

**КШМ** — командно-штабная машина. Смонтированный на шасси грузовика или бронетранспортера передвижной штаб и узел связи

**мангруппа** — маневренная группа, своего рода группа быстрого реагирования на бронетехнике

**МБ** — меры безопасности

**молл** — крупный торговый центр

**НВФ** — незаконное вооруженное формирование

**ОЗМ** — противопехотная выпрыгивающая мина ОЗМ-72 (осколочная заградительная мина). Радиус сплошного поражения — 25 м, снаряжена 2400 готовыми поражающими элементами

**ОСН** — отряд специального назначения ВВ МВД России. В отличие от ГСН (групп специального назначения), являются отдельными подразделениями, а не входят в состав полков, бригад или дивизий внутренних войск

**300 Winchester Magnum** — распространенный на Западе охотничий и армейский патрон высокой мощности

**ПГО** — ПГО-7, прицел гранатометный оптический

**первоначалка** — курс первоначального обучения молодого сотрудника милиции на базе учебных центров МВД. Продолжается в среднем около полугода. За это время будущий милиционер получает основные знания и навыки, необходимые в службе: законодательная база, физическая и огневая подготовка, боевые приемы борьбы и задержания правонарушителей. Сотрудники ОМОНа проходят обучение в тех же учебных центрах, что и остальные, но для них формируют т.н. спецкурсы с понятной спецификой

**пинжнат** (он же «пиджак») — офицер, получивший лейтенантские погоны на военной кафедре какого-либо гражданского вуза. В большинстве своем строго соответствуют армейскому о них присловью: «В мирное время опасен, в военное — бесполезен»

**ПМП** — полковой медицинский пункт, полевой госпиталь крупного воинского соединения в зоне боевых действий

**подвесная** — еще одно название ременно-плечевых систем (РПС)

**ППД** — пункт постоянной дислокации, основная база воинской части

**профессор Нимнул** — персонаж диснеевского мультсериала «Чип и Дейл спешат на помощь», сумасшедший ученый, мечтающий о мировом господстве

**пэпээска** (*милиц. жарг.*) — патрульная форма сотрудников ППС

**располага** (*армейск. сленг*) — казарма, расположение

**РВП** — расчетное время прибытия

**репшнур** — применяемый в альпинизме и скалолазании тонкий (от 4 до 8 мм) и чрезвычайно прочный шнур в оплетке

**СВ-98** — российская снайперская винтовка калибра 7,62 мм (под патрон 7,62x54R), постепенно заменяющая в спецподразделениях МВД, ФСБ и МО винтовку СВД

**секрет** — скрытый и замаскированный пост охраны и наблюдения

**семнадцать нулей** (*армейск. жарг.*) — время 17:00

**СИЗО** — следственный изолятор

**склейка** — армейская карта. Называется так, потому что склеивается из отдельных листов небольшого размера

**служба РЭБ** — подразделение радиоэлектронной борьбы, занимающееся прослушиванием эфира и радиоперехватом

**СП-5** — снайперский патрон калибра 9x39 мм для бесшумных (вернее — малозумных) автоматов «Вал», 9А-91 и снайперских винтовок «Винторез» и ВСК-94

**спецуха** (*арм. сленг*) — спецоперация

**СПШ-68** — стальной шлем образца 1968 года. Самая обыкновенная армейская каска. Хотя в данном случае слово «каска» употребляется неправильно. Каски — они у строителей или шахтеров. У военных — шлемы

**ТПУ** — танковое переговорное устройство

**УРСН** — учебная рота специального назначения. Так изначально, в конце 1980-х — начале 1990-х гг., назывались спецподразделения ВВ МВД России. Позже были переформированы и поделены на ГСН — группы специального назначения — и разведывательные роты

**ходи-болтайка** (от *англ.* walkie-talkie) — портативная радиостанция

**холерные бунты** — крестьянские волнения в Российской империи в 1831—1832 гг., в ходе которых неграмотные и испуганные эпидемией холеры крестьяне громили больницы и госпитали, нападали на медиков и полицейских, пытавшихся организовать карантинные мероприятия

**царандой** — местное ополчение в Демократической Республике Афганистан времен Афганской войны 1979—1989 гг. В Советской, а позже в Российской армии — синоним понятия «неорганизованная вооруженная толпа, не имеющая никакой боевой ценности»

**ЦГВВ** — Центральный госпиталь внутренних войск МВД России, расположенный на территории ОДОН в Ретуве

**шоу «Ямато»** — всемирно известное шоу японских барабанщиков

**щитовой** — сотрудник спецподразделения, несущий на себе во время штурма здания специальный пуленепробиваемый щит и прикрывающий им остальную штурмовую группу

## СОДЕРЖАНИЕ

ЭТО МОЯ ЗЕМЛЯ! <i>Фантастический роман</i> . . . . .	5
Глоссарий . . . . .	339